

«Я началъ показывать также, какъ и прежде. Предсѣдатель сказалъ:

— «Врешь! Когда кучеръ на Ширкова показываетъ и люди на него показываютъ, ты долженъ знать. Ты скрываешь своего. Ты сознайся.

«Я сталъ оправдываться. Говорю: кучеръ напрасно показываетъ. Я съ этой муки, пять дней не пивши, могъ бы, Богъ знаетъ что показать. Не только господина, но и отца своего родного не пощадилъ бы.

«А предсѣдатель сказалъ на это мое слово:

— «Мало тебѣ этой муки, жилы твои надо тянуть на колеса. Будь увѣренъ, что настою на томъ, чтобъ дать тебѣ 300 ударовъ кнутомъ и будешь сосланъ не туда, гдѣ товарищи твои были, гдѣ вѣчно свѣту не увидишь.

«Тогда онъ ударилъ меня въ лицо, велѣлъ набить на шею колодку и посадить къ кучеру, куда и былъ я приведенъ. Тамъ кучеръ, сидя за столомъ, ѣлъ хлѣбъ съ огурцами. Унтеръ-офицеръ, бывшій при кучерѣ, началъ меня уговаривать не дѣлать заpiresательства.

— «Я не запираюсь,—отвѣтилъ я,—но не знаю, что же мнѣ показать.

— «Да, ты не знаешь, ты маленькій, замѣтилъ мнѣ кучеръ.

«Я ему сказалъ:

— «Что мнѣ показывать, когда я ничего не знаю... А ты на меня невиннаго клеветашь... Видишь,—у меня челюсти распухли отъ битья и уши отодраны отъ тѣла, гной даже течетъ.

«Тогда кучеръ кликнулъ унтеръ-офицера и сказалъ ему:

— «Осталось у меня сибирскихъ восемь гривенъ, пошли купить полосмухи водки.

«Водки принесли. Выпили—унтеръ-офицеръ, кучеръ. Этотъ послѣдній кликнулъ меня:

— «Пармень, выпей!

«Я не сталъ пить.

«Кучеръ опять сказалъ:

— «Ты сердиться сердись, а выпей.

— «Лучше я выпью яду, чѣмъ твоего вина.

«Унтеръ-офицеръ принесъ мнѣ кормовыя деньги за четыре дня, но я ихъ не взялъ, говоря: на что же мнѣ деньги, когда мнѣ хлѣба не позволяютъ купить?

«Унтеръ-офицеръ сказалъ:

— «Возьми, братецъ.

«Я, взявъ деньги, сказалъ ему:

— «Я вижу, что ты добрый человѣкъ, имѣешь крестъ въ себѣ я четверо сутокъ не пивши, не ѣвши, душа у меня запеклась, сердце изныло, пошли мнѣ купить на четвертакъ вина.

«Онъ согласился. Вино принесли; я, наливъ себѣ большой де-